

- 1939: Документы и материалы. В 5-ти тт. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999 – 2005.
3. Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М., 1996; 1997.
4. Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России. М., 2002.
5. Летопись уральских деревень / Под ред. Г.Е. Корнилова. Екатеринбург, 1995; Шадринские села. Шадринск, 1997; Асфандиаров А.З. История сел и деревень Башкирской АССР. Уфа, 1990; Уральское село в XX веке / Под ред. Г.Е. Корнилова. Екатеринбург, 1996; и др.
6. Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Сборник документов и материалов / Под ред. Г.Е. Корнилова, В.В. Маслакова. Т.1, 2. Екатеринбург, 2000, 2001; Колхозная жизнь на Урале. 1935 – 1953 / Сост. Х. Кесслер, Г.Е. Корнилов. М., 2006.

**Кругликов В.В.
(Екатеринбург)**

Миграции населения Свердловской области в годы Великой Отечественной войны

Вторая мировая война в целом, и Великая Отечественная война как ее составная часть, стали главным потрясением XX века. Критическая обстановка, сложившаяся в зоне боевых действий, уже в самом начале Великой Отечественной войны вызвала необходимость срочного перемещения из угрожаемых районов СССР на Восток тысячи предприятий, сельскохозяйственных ресурсов, материальных и культурных ценностей, и, в первую очередь, огромных масс населения. Подобных масштабных перемещений за такой небольшой промежуток времени в экстремальных условиях войны история больше не знает.

Наиболее многочисленные в мирные годы индивидуальные миграции были сведены к минимальным размерам. Во время войны допускался переезд из одного населенного пункта в другой, главным образом в организованном порядке – в связи с трудовой мобилизацией, переводом по месту работы, распределением после окончания учебы.

Переход от индивидуальных трудовых миграций к организованным объяснялся стремлением хозяйственных органов упорядочить обеспечение индустрии и сельского хозяйства рабочей

силой. Правительством был принят ряд специальных решений по этому вопросу. 26 июня 1941 г. был издан указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» (1). В соответствии с ним все лица, занятые в военной промышленности или в отраслях, обслуживающих военную промышленность, считались мобилизованными на период войны. Отныне работники закреплялись за предприятиями, а самовольный уход расценивался как дезертирство. Если учесть, что в СССР на военные нужды работало $\frac{2}{3}$ всех промышленных рабочих и $\frac{1}{4}$ занятых в сельском хозяйстве, то становится ясным, что действие указа распространялось на широкий круг населения (2). В феврале 1942 г. был издан указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» (3), что еще больше увеличило количество мобилизованных, т. е. людей с ограниченной возможностью миграции.

Кроме того, наркоматы СССР в военное время широко, использовали права, предоставляемые им указами Президиума Верховного совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» и от 17 июля 1940 г. «О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров, работающих в машинно-тракторных станциях» (4).

Немаловажную роль в сокращении индивидуальных миграций играл и указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1940 г. «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих с одних предприятий и учреждений в другие» (5).

Помимо этих сугубо административных мер с целью ограничения переездов были приняты и решения военного характера. В частности, военнообязанным и призывникам запрещался выезд из населенных пунктов, в которых они постоянно проживали, без разрешения военного комиссара. Выдача разрешений производилась только в случае перевода по службе, выезда на учебу или к родным в связи с несчастными случаями. Отдельные города страны были объявлены строго режимными. Въезд и прописки в них допускались только при наличии специальной визы на документах (6).

Эвакуированные начали прибывать на Урал уже в конце июня 1941 г. Первоначально их размещение на новых местах считалось кратковременным, поэтому особой социальной политики в отношении эвакуированных не проводилось. Все силы специально созданных органов по вопросам эвакуации уходили на обслуживание сотен тысяч людей, ехавших на восток. Местные власти тыловых регионов, ежедневно решая множество неотложных задач, занимались расселением прибывавших эвакуированных.

С первых же дней войны местное руководство начало формирование действенных вспомогательных органов, которые должны были решать вопросы, возникавшие в процессе эвакуации. Так, в конце июня 1941 г. Свердловский облсовет создал эвакокомиссию, а когда стало ясно, что она не в состоянии справиться с обрушившимся на нее объемом работ, то 18 июля 1941 г. бюро обкома ВКП(б) постановило укрепить ее состав. В дополнение к комиссии были созданы «тройки» по расселению эвакуированных, на железнодорожные станции командировались работники обкома с чрезвычайными полномочиями (7).

Работа по организации учета эвакуанаселения на Урале затянулась надолго. В докладной записке о проверке обслуживания эвакуированного в Свердловскую область населения (февраль 1942 г.) отмечалось, что дело персонального учета прибывавшего эвакуанаселения находится в запущенном состоянии, ведется самотеком, в результате количество учтенных эвакуированных граждан недопустимо отстает от количества прибывших или уже живущих в области. Это запутывало справочную работу, усложняло дальнейший прием и расквартирование эвакуированных. В этом же документе отмечено, что в Свердловске на 1 февраля 1942 г. числилось 146697 чел. эвакуированных, в г. Нижний Тагил – 60374 чел., в других городах области – более 30 тыс. чел. Из всех прибывших 240 тыс. эвакуированного населения (65%) было расселено в городах области, лишь 150 тыс. чел. (35%) – в сельскохозяйственных районах области (8).

Свердловская область в 1942 г. стала одним из крупнейших промышленных центров страны. Такое положение области должно было заставить руководящие партийные советские организации области уделить огромное внимание приему и размещению эвакуированных, культурно-бытовому и медицинскому обслуживанию и трудоустройству. Однако как сообщалось в

докладной, эти вопросы еще не заняли соответствующего места в работе областных и городских организаций. Персональный учет эвакуированного населения в области находился в запущенном состоянии, в результате чего количество учтенных эвакуированных граждан значительно отставало от количества прибывших и уже живущих в области.

В частности, в г. Свердловске персонально учтено было лишь 42 тыс. человек, в г. Нижнем Тагиле зарегистрировано всего 19 тыс. чел. Руководители областных, городских и районных организаций не знали точного количества эвакуированных и трудоустроенных (9). С конца января и весь февраль 1942 г. по области пришлось проводить заново персональный подворный переучет эвакуированного населения. К этой работе были привлечены тысячи активистов. В г. Свердловске работало свыше 800 человек-общественников в качестве учетчиков (10).

Свердловская область (наряду с Челябинской и Пермской) приняла на себя большую часть эвакуированного населения, особенно в первые годы войны. Среди переселившихся значительную долю составляли рабочие и служащие с семьями, приехавшие вместе с предприятиями и организациями, ученые, творческая интеллигенция.

По данным переселенческих отделов на 21 октября 1941 г. в Свердловской области насчитывалось 91 223 учтенного эвакуированного населения (11). На 15 января 1942 г. – 719,0 тыс. человек (12). На 1 января 1943 г. в Свердловской области было зарегистрировано уже 334,4 тыс. эвакуированного населения; на 1 апреля 1943 г. – 341,7 тыс. чел.; на 1 июля 1943 г. – 343,9 тыс. чел. (13). На 1 ноября 1943 г. число эвакуированных в области составляло 191,6 тыс. чел., из них проживали в городской местности – 75,9 тыс. чел. (39,6%), в сельской местности – 115,6 тыс. (60,4%). Трудоспособных насчитывалось 109,5 тыс. чел.; детей – 64,0 тыс. чел., работающих – 92% (14). В г. Свердловске в это время проживало 49,2 тыс. эвакуированного населения, в том числе детей – 11,0 тыс. чел.; трудоспособных – 30,9 тыс., работающих – 60,4% (15).

На 1 января 1944 г. в Свердловской области насчитывалось 188,7 тыс. эвакуированных. В городах проживало – 74,9 тыс. чел. (39,7%); в сельской местности – 113,8 тыс. чел. (60,3%). Трудоспособное население составляло 106,8 тыс. чел. (56,6%). Из этого числа 57,6 тыс. чел. (53,9%) работали в промышленности; 14,5 тыс. (13,6%) – в сельском хозяйстве; 1,4 тыс. чел. (1,3%) – на

транспорте; 24,8 тыс. чел. (23,2%) – в организациях и учреждениях (16).

Анализ расселения по типу населенных пунктов показывает, что на первом и втором этапах эвакуации на Урал большая часть приезжих оседала в городах. В Свердловской области в городах проживали в конце 1941 г. – 72,7% эвакуированных, в конце 1942 г. – 64,4%, в конце 1943 г. – 46,2% (17).

Основной приток эвакуированного населения пришелся на 1942-1943 годы, а с 1944 г. начался процесс резэвакуации, о чем свидетельствовал отрицательный прирост в строке за счет областей РСФСР. Это было связано, главным образом, с эвакуацией в 1941-1942 гг. в города промышленных предприятий, учреждений культуры.

В городских поселениях численность эвакуированных уменьшалась быстрее, чем на селе. Так, в городах Свердловской области их число в 1943 г. сократилось по сравнению с 1942 г. на 18,2%. Причиной этого являлись быстрые и организованные темпы резэвакуации. К концу 1945 г. подавляющая часть населения, прибывшего на Урал по эвакуации, вернулась на прежнее место жительства – к этому времени количество эвакуантов сократилось в сравнении с началом 1942 г. на 84%.

Проанализировав процессы прибытия и выбытия населения на территории Свердловской области, необходимо отметить, что область первенствовала в абсолютных цифрах по этому показателю в Уральском регионе, наиболее интенсивно этот процесс проходил в 1941-1943 гг.

Сальдо миграции на протяжении войны было положительным, кроме 1944 г. (18). Наибольший механический прирост городского населения Свердловской области пришелся на 1941 г., когда составил 227,7 тыс. чел., или на 1 тыс. населения – 126,8‰. Затем наблюдалось значительное сокращение (в сравнении с 1941 г.) за 1942 г. – в 2 раза (а на 1 тыс. населения в 2,2 раза), за 1943 г. – в 3,4 раза (в 4 раза).

В целом за годы войны в города уральских областей и автономных республик прибыло 3,9 млн. человек, отток составил 2,5 млн. человек, положительное сальдо миграции достигло 1,4 млн. человек за 5 лет. На территорию Свердловской области в 1941-1945 гг. прибыло 1 209 008 человек, выбыло 775 943 человек; положительное сальдо составило 433 065 человек. Это был самый высокий показатель механического прироста населения в уральском регионе. На индустриальные области – Пермскую, Свердловскую и

Челябинскую области приходилось 67,9% всего механического прироста населения Урала за годы войны.

1. Великая Отечественная война Советского Союза, 1941-1945: Краткая история. М., 1970. С. 452.
2. Советская военная энциклопедия. М., 1978. Т. 5. С. 55.
3. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. документов за 50 лет. М., 1968. Т. 3. С. 64.
4. Ведомости Верховного Совета СССР. 1956. 8 мая. № 40. Ст. 203.
5. Там же.
6. Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. М., 1944. С. 52-52.
7. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 157. Л. 54.
8. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 11. Л. 1.
9. Там же. Л. 2.
10. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 11. Л. 2.
11. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 998. Л. 19.
12. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 998. Л. 47.
13. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 404. Л. 2.
14. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 375. Л. 36.
15. Там же.
16. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 404. Л. 2.
17. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 11. Д. 112. Л. 21-21 об.; Д. 235. Л. 42-42 об.; Д. 297. Л. 36-36 об.; Д. 389. Л. 60-60 об.
18. Во имя победы. Свердловск в годы Великой отечественной войны. 1941 – 1945 гг. Екатеринбург, 2005. С. 50.

Лаврова И.А.
(Сургут)

Трансформация структуры детских учреждений для беспризорников на Урале в 1930-е годы

Распространение такого негативного явления как детская беспризорность и безнадзорность в 1920-30-е годы в советской России содержало в себе угрозу нормальному развитию государства, поскольку способствовало росту преступности, увеличению заболеваний, подрывало нравственные устои общества.